

BOLONNA Publications

HIEROGLYPHIC
TALES
By Horace Walpole,

Forth Earl of Orford

Strawberry Hill
1785

Хорас Уолпол
ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ

*Перевод Василия Кондратьева и
Екатерины Ракитиной*

Kolonna Publications
2005

ББК 84.4 (Вл)

В оформлении обложки использована картина
Ханса Кантерса «Друг животных» (1986).

Корректор: Ольга Кобрина
Дизайн обложки: Виктория Горбунова
Верстка: Елена Антонова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

ISBN 5-98144-072-4

©В. Кондратьев, 1999
©Е. Ракина, 2005
©Thomas Christensen, 1993
©Митин Журнал, 2005
©Kolonna Publications, 2005

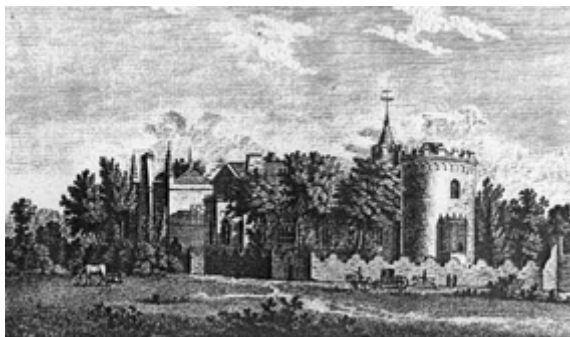
Предисловие

Хорас Уолпол (1717-1797) принадлежит к особой английской литературной традиции, которую отличают абсурдность, несерьезность, озорство, да и просто безумие. Одним из наиболее ярких проявлений этой традиции, безусловно, являются удивительные «Иероглифические сказки». Посему — несколько заметок на полях для тех, кто взялся за Уолпола.

Странностей у него было великое множество.

Он жил (с удобством, благодаря различным синекурам — его отец Роберт был премьер-министром Англии при Георге I) в доме на берегу Темзы возле Туикенема; он назвал дом Строберрихилл, Земляничный Холм, переделал его

в «маленький готический замок» с фальшивыми башенками, бойницами, декоративными фасадами и горгульями из оштукатуренной сетки и забил до отказа всевозможными древностями, диковинами и предметами искусства. В последние годы жизни Уолпола и какое-то время после его смерти (по крайней мере, до аукциона 1842 года) Строберри-хилл был достопримечательностью для туристов. Согласно записной книжке Уолпола, он лично провел по дому (постоянно жалуясь на неудобства) около четырех тысяч посетителей. Одни

эксперты называют дом неряшливой подделкой, другие превозносят, как пример «архитектуры воображения»¹ и творение, переворачивающее общепринятые «строгие и величественные законы архитектуры»².

Будучи необычайно плодовитым писателем («Когда же это закончится?» — писал один из критиков о посмертном издании писем Уолпола в 1851 году, задолго до того, как оно достигло нынешнего объема в сорок восемь томов), Уолпол выступал и как издатель (выпущенные им книги были «просты и сдержанны»¹, либо отличались «весьма

1 Diane S. Ames, «*Strawberry Hill: Architecture of the 'as if'*» in *Studies in Eighteenth-Century Culture* 8, ed. Roseann Runte (Madison: University of Wisconsin Press, 1979), cited in Peter Sabor, *Horace Walpole: A Reference Guide* (Boston: G.K. Hall & Co., 1984), 230.

2 «*Strawberry Hill*», *Builder* 41 (August 13, 1881), cited in Sabor, 76.

3 Douglas McMurtrie, *The Book: The Story of Printing and Bookmaking* (London: Oxford University Press, 1943), 464.

небрежной печатью»¹ — выбирайте на вкус; в любом случае, «Строберри-хилл Пресс» остается первым в Англии частным издательством). Тем не менее, Хорас Уолпол, издатель, весьма своеобразно относился к изданию собственных трудов:

1 Daniel Berkeley Updike, Printing Types: Their History, Forms, and Use, vol. 2 (1937; reprint, New York: Dover Publications, 1980), 140.

«В августе 1796, за полгода до смерти, Хорас Уолпол написал памятную записку, в которой просил своих душеприказчиков «крепко перевязать и запечатать» большой сундук с его мемуарами — обширным, неопубликованным трудом примерно в три миллиона слов. Ящик надлежало открыть только «старшему сыну леди Уолдгрейв, достигшему двадцати пяти лет», ключ передавался на хранение самой леди Уолдгрейв. Подобная косвенная форма публикации — ключ к ящику, содержащему рукопись, нуждающуюся в издателе — символична для писательской карьеры Уолпола. Самое известное его произведение, «Замок Отранто», было впервые напечатано якобы как перевод сочинения итальянского автора Онуфрио Муральто. Другие его важнейшие работы, «Таинственная мать» и «Иероглифические сказки», были выпущены лишь для немногих близких друзей в

частных изданиях «Строберри-хилл». Уолпол распорядился, чтобы собрание его сочинений было напечатано только

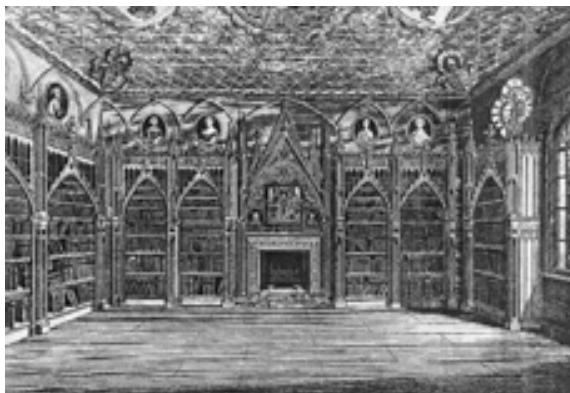

после его смерти; все его письма были опубликованы лишь в 1983 году в сорока восьми томах, а мемуары, извлеченные из запечатанного сундука, были изуродованы некомпетентными редакторами XIX века и до сих пор не опубликованы полностью»¹.

1 Sabor, I.

Он обладал дьявольским (и порой довольно инфантильным) чувством юмора, проявившимся в желании выдать «Замок Отранто» за перевод с итальянского и зловещих шутках одной из «Иероглифических сказок», «Персик в бренди». Подделанное им письмо короля Пруссии Жан-Жаку Руссо породило жаркие споры, в которых приняли участие сам Руссо, Якоб Гримм и многие другие.

Считается, что он написал сказку «Персик в бренди», в которой архиепископ случайно проглатывает человеческий эмбрион, для своей знакомой маленькой девочки: «Предпочтение, которое Уолпол в старости оказывал женскому обществу, является неизбежным следствием того, что он всю жизнь предпочитал девочек мальчикам, — уверяет Дороти Стюарт. — Он всегда был почтительным рыцарем девственниц пяти лет от роду; и для

увеселения одной из них, леди Анны Фицпатрик, написал в 1771 году сказку о «Персике в бренди». Она стала одной из пяти «Иероглифических сказок... Причудливость этих сказок, — неуверенно добавляет она, — настолько велика, что подразумеваемое иносказание или сатиру подчас очень сложно опознать»¹. Сложно представить, какое воздействие оказала эта сказка на

1 Dorothy Margaret Stuart, Horace Walpole (New York: Macmillan, 1927), 191.

читательницу, которой изначально была предназначена.

Можно также поразмыслить над тем, как отреагировал лорд Оссори, которому Уолпол послал эту сказку по случаю выкидыша у леди Оссори.

По этому поводу Кеннет Гросс замечает, что «сказки Уолпола сродни кошмару»¹.

Помимо «Замка Отранто», другим крупным произведением Уолпола, опубликованным при его жизни, была написанная белым (так и хочется сказать: «черным») стихом трагедия «Таинственная мать». Ею восхищался Байрон, называвший ее «трагедией высочайшего порядка, а не слезливой пьесой о любви». Это повесть о молодом человеке, в результате многочисленных ошибок и

1 Kenneth W. Gross, in Hieroglyphic Tales, Horace Walpole (Los Angeles: University of Californian Augustan Reprint Society, 1982), X.

прискорбной путаницы (в которых он не виноват) женившемся на своей дочери от собственной матери (система взаимоотношений, повергающая в замешательство). Дороти Стюарт, постоянно рассуждающая о Уолполе с очаровательным сочувствием, замечает: «В самом деле, весьма любопытно, что его воображение — хотя в «Замке Отранто» он и затрагивал походя тему инцеста — увлекла история столь мрачная и отвратительная»¹. В рецензии того времени (1797 года) Уильям Тейлор восхвалял пьесу, «достигшую почти непрекаемого совершенства» и «вполне сравнимую с «Эдипом-царем» Софокла». Немногие современные читатели оценят ее столь же высоко.

Современники винили Уолпола в самоубийстве поэта Томаса Чаттертона, адресовавшего Уолполу желчное стихотворение перед тем, как погибнуть от романтического отчаяния (он

выпил мышьяк). Уолпол пришел к выводу, что заявление юнца (Чаттертону было шестнадцать, когда он написал Уолполу) о том, что он обнаружил сборник средневековых стихов некоего «Раули», было обманом. По иронии судьбы, это, как намекает Чаттертон в своем стихотворении, был обман как раз того рода, какой можно было ожидать от самого Уолпола.

Уолпол! Как же слеп я был, пока
Не видел, что душа твоя низка!
Ты, роскоши дитя, пригреть не мог
Мальчишку нищего, что, одинок,
О том молил? Назвал его лжецом?
А ты ужель с обманом не знаком?
«Отранто» вспомни! Нет, упрек, стой!
Презреньем пущим встречу гонор твой,
Уолпол! Так строчи потоки глав
И, письма Несравненной накропав,
Пред критиками снова спину гни,
Хотя и так поют хвалы они,
А честных простофиль гони взащей...

Я беден; будь счастливей мой удел,
Ты оскорблять меня бы не посмел!
Но Раули повсюду прогремит,
Когда ты будешь проклят и забыт!

Большинству читателей Уолпол известен благодаря «Замку Отранто» (выдержавшему более полутора сотен изданий), имеющему историческое значение: это — первый готический роман. Сейчас сложно оценить все новаторство этой книги, поскольку она послужила образцом для бесчисленных подражаний. Романом восхищался Вальтер Скотт, отмечавший «чистый и правильный язык», а также писавший, что это «первая современная попытка сделать основой увлекательного сочинения старинный рыцарский роман». Напротив, автор некролога Уолпола в «Журнале для джентльменов» (в 1797 году), хотя и находил многое в трудах Уолпола

1 Перевод Михаила Савченко.

достойным похвалы, попросту отмахивался от «Замка Отранто» как от «никчемной безделицы». История книги восходит к сну Уолпола: ему приснилось, что он находится в старинном замке, и перед ним — огромная рука, закованная в доспех. Роман полон

призраков, великанов, таинственных явлений и неукротимых чувств. «Я дал волю воображению, — говорил Уолпол. — Меня душили видения и страсти». В этом классическом произведении Уолпол обнаруживает вкус к готическому и гротескному и, что более существенно, заглядывает в беспокойный мир своего бессознательного шокирующим для его эпохи образом, приближая читателя к зловещим психологическим субстратам, ставшим одним из основных предметов литературы в наш век. И все же «Замок Отранто» остается несколько механическим и безличным произведением. Только в «Иероглифических сказках» Уолпол начал открывать для себя более радикальную манеру письма, предвосхищающую некоторые направления современной литературы.

В своем послесловии к «Иероглифическим сказкам» Уолпол писал, что они были попыткой «разнообразить

избитый и затасканный род рассказов и романов, кои, хотя и сработаны изобретательно, почти всегда лишены воображения. Едва ли сие можно было считать достойным похвалы, когда бы не было так очевидно из *Bibliothèque des Romans*, где собраны все вымышленные приключения, написанные на всех языках и во всех странах, как мало выдумки, как мало разнообразия и как мало новизны в произведениях, в которых воображение не сковано никакими правилами и обязательствами говорить истину. Бесконечно больше вымысла в исторической науке, коя лишена достоинств, когда отступает от правды, нежели в романах и повествованиях, где правды якобы нет».

Подобное отношение найдет поддержку у многих редакторов и издателей, поскольку все мы знаем, что писательские рукописи более прочего отличает поразительное сходство друг с

другом. Как трудно проявить настоящее воображение! В «Иероглифических сказках» Уолпол выработал несколько приемов, помогающих сломать клише.

Во-первых, он выстроил свои рассказы на твердой почве «волшебной сказки». Кеннет Гросс называет сказки представителями традиции «восточных басен», которая также находит отражение в таких произведениях эпохи как «Задиг» Вольтера, «Софа» Кребийона и «Расселас» Джонсона. «Однако сами по себе сказки, — добавляет он, — суть маленькое чудо. Лучшие из них вычлениют из Библии, «Тысячи и одной ночи», Шекспира, французских рыцарских романов, английской политики и старинных преданий комическую фантазию и наполняются урбанистической, запредельной странностью, которую невозможно найти нигде более»¹.

1 Gross, iii.

Известность данной формы дала Уолполу возможность кардинально обновить другие аспекты повествования. «Музыка загнивает, когда *слишком* удаляется от танца, — поучал Эзра Паунд в «Азбуке чтения», — а поэзия атрофируется, *слишком* удаляясь от музыки». Если рассуждать схожим образом, повествование атрофируется, *слишком* удаляясь от основ рассказа, мифов и народных преданий. Уолпол мудро прививает свои гротескные вымыслы к устойчивому стволу народной сказки.

Одной из наиболее смелых инноваций Уолпола было радикальное ниспровержение заблуждений относительно повествования. Он усыпал сказки невозможными вещами (*choses absurdes et hors de tout vraisemblance*, как говорится в эпиграфе), оставив читателя разгадывать запутанные отношения между языком, повествованием и реальностью. Сказки непрозрачны, равное внимание

следует уделять и самой истории, и тому, как она рассказана. Они были написаны, сообщает Уолпол в предисловии, нагромождая нелепости одну на другую, «незадолго до сотворения мира и с тех пор сохранялись в устных преданиях гор Крампкрагтири, необитаемого острова, доселе не открытого». Он населяет истории мертвыми кавалерами, дочерьями, которые никогда не появлялись на свет (или, появившись, были признаны несуществующими), и выдумками, вроде козьих яиц, служащих лекарством от веснушек.

К тому же Уолпол в своих сказках разрушает последовательность повествования отступлениями, отрицаниями, ложными началами, солипсизмами и околичностями. Отчасти это, возможно, вырастает из некоего субъективного символизма, в котором персонажи и события служили оболочкой язвительным личным аллюзиям с

политическими или светскими фигурами, аллюзиям, в настоящее время по большей части утраченным; но в результате возникло повествование, приводящее в восторг и смущение своей непредсказуемостью и отсутствием явного центра. Уолпол создал экзистенциальный нарратив, примечательный для своего времени, существующий просто для того, чтобы быть, а не отсылать к чему-либо. У Кеннета Гросса есть очень тонкое размышление на эту тему:

«Основополагающая интеллектуальная драма всегда остается составляющей самых немислимых проектов невозмутимого безумца Свифта, таких, как мысль о возможности отыскать способных политиков и журналистов в глубинах Бедлама. Но краткие повести Уолпола тяготеют к освобождению сатирической фантазии от уз идеи. Иными словами, в своих сказках он использует преувеличенный, иронический

вымысел сатиры, так же, как и более самодостаточные волшебные приемы сказки, но кажется, что их причудливая, маньеристская поверхность постоянно отрицает возможность существования скрытого интеллектуального скелета. Несмотря на богатство литературных и исторических аллюзий, и множество *моментов* острой, ироничной критики, иероглифы Уолпола не призывают нас читать их как зашифрованное сатирическое выступление»¹.

Пользуясь современными терминами, мы могли бы сказать, что Уолпол, неожиданно для человека, казалось бы, столь интеллектуального, циничного и сатирически настроенного, каким-то образом преодолевает самому себе поставленный предел и преуспевает, как ни один из писателей своего времени, в освобождении повествования от

1 Gross, v.

ограничений эго (сохраняя вместе с тем глубоко неоднозначное отношение к самому предприятию).

Наконец, Уолпол играл с интонацией — очень новаторски и изощренно. Его привычный скептицизм контрастировал со сказочным напряжением невероятного и его собственными безумными всплесками фантазии (так, он начинает «Иероглифические сказки» с вывернутой наизнанку истории Шехерезады, в которой плененная принцесса усыпляет своего мужа скучнейшей историей, а потом убивает его). Подобным же образом его недоброе, подчас неприятное остроумие контрастировало с притворной наивностью сказочного повествования, создавая необычайно богатый текст, полный цвета и фактуры.

Уолпол, в чем мы уже убедились, был, как правило, крайне осторожен в вопросах публикации; это как нельзя

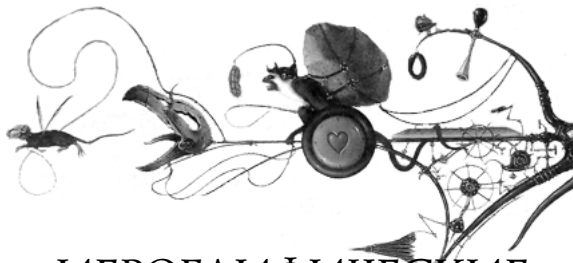
более справедливо в отношении «Иероглифических сказок». Возможно, это отчасти объяснялось слухами о том, что у него имеются рукописи небывало странных сказок, написанных им в припадках бреда. «В моем письменном столе есть странные вещи, даже более дикие, чем «Замок Отранто», — признает он в письме к достопочтенному Уильяму Коулу в 1779 году, — но написаны они не в последнее время [«Сказки» были написаны между 1766 и 1772 годами], не в приступе подагры, и — чем бы они ни казались — не в припадке умоисступления»¹. Шесть лет спустя он напечатал шесть или семь (считая корректуру) экземпляров, которые хранил у себя до самой смерти. Вплоть до XX века это было единственное издание этого необыкновенного труда. (Уолпол с иронией утверждал,

1 Gross, iii.

что «к нему отнесутся с надлежащим почетом через сотни веков»). В 1926 году Элкин Мэттьюс выпустил книгу в Англии небольшим тиражом. В 1982 году издательством Augustan Reprint Society Университета Калифорнии был напечатан еще один небольшой тираж (факсимиле оригинального издания 1785 года). Это издание содержало очень полезное предисловие Кеннета Гросса (которое я цитирую) и, в качестве приложения, сказку «Птичье гнездо», которую Уолпол предназначал для сборника, но не включил в оригинальное издание.

Томас Кристенсен

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ
СКАЗКИ

*Schah Baham ne comprenoit jamais
bien que le choses absurdes & hors de toute
vraisemblance.*

*Le Sopha, p.5**

** Шах Бахам всегда хорошо понимал только абсурдные и совершенно неправдоподобные вещи. (фр.) [Цитата из романа Клода Проспера Жюлио Кребийона (1707-1777) «Софа» (1742)]*

Вступление

Поскольку бесценный дар, который я приношу свету, может удовлетворять не все вкусы серьезностью своей материи, основательностью суждений и глубокой ученостью, содержащейся на последующих страницах, необходимо как-либо оправдать выход этого труда в столь пустой век, который не занимает ничто, кроме современной политики, сатиры на известные лица и праздных сочинений. Итак, истинной причиной, побудившей меня одолеть все эти препятствия, было единственно следующее: предчувствие, что сей труд должен быть сохранен для потомков; и хотя сегодня его могут осуждать, я не сомневаюсь, что к нему отнесутся с надлежащим почтением через сотни веков,

когда мудрость и ученость обретут подобающее им влияние на человечество, и когда люди станут читать только ради назидания и совершенствования своего разума. Поскольку я собираюсь отпечатать около сотни тысяч экземпляров, то некоторые из них, надеюсь, переживут смятение, в коем пребывают духовные труды, и тогда сия драгоценность озарит мир своим истинным сиянием. Я весьма спешил отдать этот труд в набор, поскольку предвижу, что вскоре искусство книгопечатания будет вовсе утрачено, как и другие полезные открытия, хорошо знакомые древним. Таковы были искусство растворять камни в горячем уксусе, искусство обучения слонов танцевать на льняном канате, изготовления ковкого стекла, сочинения эпических поэм, которые каждый прочтет спустя месяц после их выхода в свет, и наиважнейшее изобретение новых религий, тайна, последним хранителем которой был неграмотный Магомет.

Невзирая на такое рвание к хорошей словесности и на мою ревность ко всемирному гражданству (поскольку я провозглашаю, что задумал этот дар для всех наций), на моем пути существуют мелкие затруднения, которые не позволяют мне оказать свету это великое благодеяние в полной мере и сразу. Я вынужден выпускать его малыми долями, и поэтому призываю молитвы всех добрых и мудрых людей, которые могли бы продлить мою жизнь, пока я не опубликую весь этот труд полностью, потому что не найдется ни одного другого человека, способного выполнить сие лучше меня, по причинам, кои мне не позволит уточнить скромность. Пока же, поскольку в обязанности издателя входит довести до света все, что относится к нему самому и его автору, я считаю справедливым упомянуть о тех причинах, которые понуждают меня публиковать этот труд по частям. Обычно подобные действия оправдываются тем, что для

удобства покупателей книга должна стать дорожке, ибо предполагается, что средний человек скорее расстанется с двадцатью шиллингами, выплачивая по шесть пенсов раз в две недели, чем отдаст десять шиллингов сразу. При всей заботе об интересах общественности признаюсь, что причины моего поступка всего лишь личные. Поскольку обстоятельства мои весьма скромны, настолько, что едва позволяют достойно содержать джентльмена моих дарований и образования, я не могу позволить себе напечатать сразу сотню тысяч экземпляров тех двух томов ин-фолио, которые будут представлять собой весь объем «Иероглифических сказок», доведенных до совершенства. Затем, страдая сильной астмой и нуждаясь в свободном доступе воздуха, я обитаю на верхнем этаже дома в переулке неподалеку от Сент-Мэри Экс; и поскольку в этом здании располагается весьма доброе общество, только значительная любезность

позволила мне одному занять отдельную комнату; в сей комнате не имеется никакого места, чтобы разместить весь тираж, потому что я намереваюсь продавать экземпляры самостоятельно и, по обыкновению прочих великих людей, собственноручно надписывать каждый титульный лист.

При всем желании ознакомить свет и со многими другими обстоятельствами, которые меня касаются, некоторые личные соображения не позволяют мне здесь больше потворствовать любопытству, однако я позабочусь составить столь подробный отчет о самом себе для одной публичной библиотеки, что будущие комментаторы и издатели настоящего труда не останутся без необходимых им путеводных огней. А пока же прошу читателя принять в качестве временного возмещения рассказ об авторе, труд которого я издаю.

«Иероглифические сказки» были, несомненно, написаны незадолго до

сотворения мира и с тех пор сохранялись в устных преданиях гор Крампкрагири, необитаемого острова, доселе не открытого. Эти скудные факты могут с большой подлинностью удостоверить несколько священников, которые помнят, как слышали их от стариков задолго до того, как они, эти упомянутые священники, родились. Мы не станем докучать читателю этими удостоверениями, поскольку уверены, что всякий поверит им так же, как если бы сам с ними ознакомился. Намного труднее установить подлинного автора. Мы можем с большой вероятностью приписать их Кеманрлегорпику, сыну Квата, хотя и не уверены, что такая личность когда-либо существовала, и потому остается неясным, написал ли он что-нибудь, кроме поваренной книги, да и ту героическим стихом. Другие приписывают их мамке Квата, а некоторые — Гермесу Трисмегисту, хотя труд последнего,

посвященный клавесину, содержит место, прямо противоречащее рассказу о первом вулкане из 114-й Иероглифической сказки. Поскольку труд Тризмегиста утрачен, невозможно судить, является ли упомянутое противоречие настолько определенным, как утверждают многие ученые люди, которые могут догадываться о мнении Гермеса по другим местам из его сочинений и которые на деле не уверены, говорил ли он о вулканах или о ватрушках, потому что рисовал он так скверно, что его иероглифы зачастую можно принять за предметы, прямо противоположные в природе; а поскольку нет такого предмета, которого он не трактовал, то нельзя узнать точно, что в каком-либо из его трудов обсуждалось.

Вот самое большее, что мы с долей уверенности можем заключить об авторе. Однако были ли эти сказки написаны им самим шесть тысяч лет тому

назад, как мы предполагаем, или их написали за него в минувшее десятилетие, они бесспорно представляют собою древнейший на свете труд; и хотя в них не много воображения и даже еще меньше изобретательности, в них, тем не менее, такое множество мест, в точности напоминающих Гомера, что любой из живущих мог бы заключить, что они подражают этому великому поэту, если бы не было уверенности, что это Гомер заимствовал из них, чему я приведу два доказательства: прежде всего, поместив параллельные отрывки Гомера внизу страницы, и затем, переложив Гомера прозой, что сделает его настолько непохожим на самого себя, что никому не придет в голову, что он мог быть исходным автором; и тогда, когда он станет совершенно безжизненным и пресным, нельзя будет не предпочесть эти сказки Илиаде; в особенности потому, что я намереваюсь придать им такой стиль, который не будет ни стихами, ни

прозой; слог, в последнее время часто используемый в трагедиях и в тех героических поэмах, которые за отсутствием правдоподобия редко представляют собой героические поэмы, поскольку древле-современный эпос является, по сути дела, всего лишь трагедией, не имеющей, или почти не имеющей, места действия, а также никаких потрясений, кроме призрака или бури, и никаких событий, кроме гибели главных лиц.

Я не буду дольше удерживать читателя от прочтения этого бесценного труда; однако же, я должен просить публику поспешествовать, чтобы весь тираж разошелся, как только я сумею его отпечатать; поэтому я обязан ей сообщить, что замышляю еще более ценный труд; а именно, новую историю римлян, где я намереваюсь осмеять, разоблачить и выставить в истинном свете все добродетели и патриотизм древних и покажу по подлинным бумагам, которые собираюсь написать и

впоследствии захоронить в развалинах Карфагена, дабы затем извлечь, что письма Ганнона к пуническому посланнику в Риме доказывают, что Сципион был на жаловании у Ганнибала и что медлительность Фабия объясняется тем, что и его тоже содержал сей полководец. Я сознаю, что это открытие пронзит мое сердце; однако поскольку мораль лучше всего преподавать, показывая, как мало она значила для самых лучших людей, я принесу самые добродетельные имена в жертву воспитанию безнравственности сегодняшнего поколения; и не сомневаюсь, что как только они выучатся презирать любимых героев древности, они сразу же станут добрыми подданными самого благочестивого короля из живших когда-либо со времен Давида, который, изгнав законно правившую семью, слагал потом псалмы памяти Ионафана, своей предвзятостью освободившего ему престол.

ПЕРВАЯ СКАЗКА.
НОВАЯ ЗАБАВА ИЗ
АРАБСКИХ НОЧЕЙ

подножия великой горы Гиронкву в древности располагалось царство Ларбидель. Географы, не имеющие склонности к столь уж справедливым сравнениям, сообщают, что оно напоминало футбольный мяч, который сейчас выбьют; так и произошло, потому что гора пнула это царство в океан, и больше о нем ничего не слышали.

Однажды юная царевна взобралась на вершину этой горы собирать козьи яйца, белки коих так замечательно сводят веснушки.

— Козьи яйца!

— Конечно, натуралисты считают, что все существа зачинаются в яйце. Козы с Гиронкву тоже могли быть

яйцекладущими и могли откладывать яйца созревать под солнцем. Таково мое предположение, и неважно, верю я в него сам или нет. Я письменно выступлю и буду поносить всякого, кто выскажется против моей гипотезы. Будет и в самом деле прекрасно, если ученых людей обяжут верить в то, что они утверждают.

Противоположный склон горы населяла народность, о которой ларбидельцы имели не больше понятия, чем французское дворянство о Великобритании, считающейся у них островом, куда можно так или иначе добраться по суше. Царевна забрела до предместий самого Кукуруку, когда ее вдруг схватили стражники правителя той страны. Они в нескольких словах объяснили ей, что обязаны препроводить ее в столицу и выдать замуж за великана, своего господина и императора. Этот великан пристрастился

каждую ночь получать новую жену, которая рассказывала ему историю до самого утра, а потом ей отрубали голову — так прихотливо иные люди проводят брачные ночи! Царевна робко поинтересовалась, почему их господину нравятся такие длинные истории. Капитан стражи ответил, что Его Величеству не спится.

— Ну что же, — сказала она, — пусть так! Не то чтобы я полагала, что умею рассказывать столь длинные истории, как ни одна из царевен Азии. Нет, но я могу прочесть наизусть все эпиграммы Леонида, и ваш император должен в самом деле страдать бессонницей, чтобы устоять против этого.

К тому времени они уже пришли во дворец. К большому удивлению царевны, император, оказавшийся отнюдь не великаном, был ростом всего лишь пять футов и один дюйм; однако, поскольку его предшественники

были на два дюйма ниже, лесть придворных наградила его прозвищем великана; поэтому он смотрел на любого, кто оказывался выше его ростом, сверху вниз. Царевну тут же разоблачили и отправили в постель, где Его Величеству не терпелось услышать очередную историю.

— Свет моих очей, — сказал император, — как тебя зовут?

— Я представляюсь, — начала она, — как царица Гроновия, хотя на самом деле меня зовут фрау Гронау.

— А зачем нужно имя, — спросил Его Величество, — если им не зовут? И почему ты выдаешь себя за царицу, если это не так?

— У меня романтический склад, — отвечала она, — и я всегда собиралась стать героиней романа. А есть два условия, дающие кому-либо сие звание: нужно быть пастушкой или царицей.

— Что ж, утешься, — сказал великан, — ты умрешь императрицей, не став ни той, ни другой! Однако что за высшая причина заставила тебя так необъяснимо растянуть имя?

— Это фамильный обычай, — сказала она, — все мои предки были учеными людьми и писали про римлян. Они давали своим именам латинские окончания, так как те звучали более классически и обеспечивали высокую оценку их сочинений.

— Для меня это все равно, что японски, — сказал император. — Однако твои предки кажутся мне сборищем шарлатанов. Можно ли понять что-нибудь лучше, испортив свое имя?

— О, — сказала царица, — но в этом также проявлялся вкус. В Италии было время, когда ученые заходили еще дальше; и человек с большим лбом, родившийся пятого января, прозывался Квинт Януарий Фронтон.

— Новые нелепости, — сказал император. — У тебя, кажется, множество неуместных познаний про множество весьма неуместных людей; однако же, продолжай рассказывать: откуда ты?

— Минхер, — отвечала она, — я рождена в Голландии.

— Пусть так, черт тебя возьми, — сказал император, — и где это?

— Не было нигде, — сказала царица, — кроме как в духовном мире, пока мои соотечественники не отобрали страну у моря.

— Неужели, малютка! — сказал Его Величество. — Однако скажи на милость, кто были твои соотечественники, прежде чем у вас появилась страна?

— Ваше величество задает весьма глубокий вопрос, — ответила она, — который мне не решить сразу; но я сейчас выйду в мою домашнюю библиотеку,

чтобы заглянуть в пять или шесть тысяч томов новейшей истории, в одну или две сотни словарей и в краткий очерк географии в сорока томах инфолио, и тут же вернуться.

— Не так скоро, жизнь моя, — сказал император, — ты не встанешь до тех пор, пока не пойдешь на казнь; уже второй час ночи, а ты до сих пор не начала свою историю.

— Мой прадед, — продолжала царица, — был голландским купцом и провел много лет в Японии.

— По какому делу? — спросил император.

— Он отправился туда отречься от своей веры, — сказала она, — и заработать на этом достаточно денег, чтобы вернуться и защищать ее от Филиппа II.

— У вас славное семейство, — сказал император, — однако, хотя мне нравятся басни, я ненавижу генеалогию. Я знаю,

что во всех семьях, по их собственным рассказам, никогда не рождалось никого, кроме хороших и великих мужей от отца до сына: род вымысла, который меня вовсе не забавляет. В моих собственных владениях вместо знати — лесь. Тех, кто мне угождает лучше остальных, я делаю большими господами, и титулы, которые я им присуждаю, соответствуют их достоинствам. Вот Целуй меня в зад-Могу, мой фаворит; Подхалим-Могу, главный казначей; Превосходи-Могу, верховный судья; Кошунствуй-Могу, первосвященник. Тот, кто скажет правду, обесчестит свою кровь и *ipso facto* падет. Вы в Европе считаете человека благородным потому, что один из его предков был льстецом. Однако все вырождается тем сильнее, чем дальше оно от истоков. Я не хочу слышать ни слова о твоём племени до отца; так кто же он был такой?

— В разгар споров о Булле Унигенитус...

— Я же тебе сказал, — перебил император, — чтобы мне больше не докучали людьми с латинскими именами; это сборище хлюстов, видно, заразило тебя безумием.

— Мне жаль, — ответила Гроновия, — что ваше высочайшее величество настолько мало знает состояние Европы, чтобы принять постановление папы за человека. Унигенитус есть латинское название иезуитов.

— А кто к черту такие эти иезуиты? — спросил великан. — Ты объясняешь одно бессмысленное слово другим, и удивляешься, что я никак не пойму.

— Сир, — сказала царевна, — если Вы позволите мне дать вам краткое изложение тех волнений, которые терзали Европу последние два столетия из-за доктрин благодати, свободы воли, предопределения, искупления, оправдания

и т. д., то это развлечет вас больше и покажется менее правдоподобным, чем если бы я рассказала вашему величеству сказку о феях и домовых.

— Ты несносная болтунья, — сказал император, — и очень самодовольная, однако выговаривай сполна и о чем захочешь до следующего утра; но клянусь духом святого Джириджи, ездившего на небеса верхом на сорочьем хвосте, как только часы пробьют восемь, ты умрешь. Итак, так кто был этот Иезуит Унигенитус?

— Новые учения, возникшие в Германии, — сказала Гроновия, — заставили церковь обратить на нее пристальное внимание. Последователи Лойолы...

— Кого? — зевнув, спросил император.

— Игнатия Лойолы, основателя ордена иезуитов, — отвечала Гроновия, — бывшего...

— Автором Истории Рима, полагаю, — перебил император. — Что, черт возьми, для вас римляне, если вы так утруждаете ими голову?

— Римская империя и Римская церковь представляют собой две различные вещи, — сказала царица. — И все же можно сказать, что они зависят друг от друга, как Новый завет от Ветхого. Одна из них разрушила другую и все же заявляет о праве наследования владений церкви.

— Который там час? — спросил император у старшего евнуха. — Должно быть, наверняка к восьми — эта женщина сплетничает никак не менее семи часов. Слышишь ты, чтобы моя жена на следующую ночь была немой — отрежьте ей язык, прежде чем привести в опочивальню.

— Мадам, — сказал евнух, — Его Высочайшее Величество, осведомленность коего простирается до заморских

земель, слишком хорошо знаком со всеми человеческими науками, чтобы нуждаться в сведениях. Поэтому его высокопоставленная мудрость предпочитает рассказы о том, чего никогда не случилось, любому изложению истории или богословия.

— Лжешь, — сказал император, — если исключить правду, я никоим образом не собираюсь запрещать богословие. Сколько у вас в Европе богословов, женщина?

— Трентский собор, — отвечала Гроновия, — постановил...

Император принялся храпеть.

— Я имею в виду, — продолжала Гроновия, — что, несмотря на все постановления папы Павла, кардинал Палавичини утверждает, что за первые три заседания этого собора...

Заметив, что император уже крепко заснул, царица и старший евнух набросали ему на лицо несколько

подушек и держали, пока он не испустил дух. Как только они убедились в том, что он умер, царица, выказывая необходимое горе и отчаяние, вышла к дивану, где ее тут же провозгласили императрицей. Император, как было объявлено, скончался от геморроидальной колики, однако, чтобы увековечить свое уважение к его памяти, ее императорское величество провозгласила, что будет строжайшим образом придерживаться основ его правления. Соответственно, она каждую ночь выходила за нового мужа, однако освобождала их от рассказов и милосердием соблаговолела, в награду за их хорошее поведение, откладывать последующую казнь. Она рассылала подарки всем ученым людям Азии; в свою очередь, они не забывали провозглашать ее образцом милосердия, мудрости и добродетели; и хотя панегирики ученых обычно настолько же

неуклюжи, насколько раздуты, они убедили ее в том, что их сочинения будут столь же долговечны, как медь, и что память о ее славном правлении сберегут для самых дальних потомков.

ВТОРАЯ СКАЗКА.
ЦАРЬ И ТРИ ЕГО
ДОЧЕРИ

ил-был царь, и было у него три дочери — то есть, у него были бы три, окажись их на одну больше, однако же, так или иначе, старшая из них так и не появилась на свет. Она была изумительно красива, обладала острым умом и в совершенстве объяснялась по-французски, что подтверждают все авторы той эпохи, и, тем не менее, ни один из них не делает вид, что она в самом деле существовала. Бесспорно известно, что две прочие царевны были далеко не красавицы; у средней был заметный йоркширский выговор, а у младшей — плохие зубы и только одна нога, по каковой причине танцевала она прескверно.

Поскольку едва ли было возможно, чтобы у Его Величества родились другие дети, ибо ему сравнялось восемьдесят семь лет, два месяца и тринадцать дней, когда скончалась его царица, все подданные его короны весьма жаждали выдать царевен замуж. Однако заключению брака, столь важного для сохранения мира в стране, препятствовало одно существенное обстоятельство. Царь настаивал, что первой должна выйти замуж его старшая дочь, а коль скоро такой особы не существовало, было необычайно трудно подобрать ей подходящего мужа. Решимость Его Величества поддерживал весь двор, однако, поскольку даже при наилучшем государе всегда имеются недовольные, нация раскололась на партии, и ворчуньи, или патриоты, настаивали, что средняя царевна является старшей, и ее следует объявить наследницей престола. В пользу и против этого было создано

множество памфлетов, но правительственная партия сделала вид, что не может опровергнуть аргумент канцлера, который заявил, что средняя царевна не может быть старшей, поскольку никогда ни у одной наследницы престола не было йоркширского говора. Немногие лица, которые сочувствовали младшей царевне, воспользовавшись этим доводом, нашептывали, что ее высочество имеет самые веские основания претендовать на престол; поскольку, ежели старшей царевны не существует, старшей должна быть средняя, и ежели она не может быть средней, коль скоро она старшая, и ежели, как доказал канцлер, она не может быть старшей, из этого, согласно всем законам, естественно следует, что она не может быть никем вовсе; после чего, разумеется, заключалось, что младшая должна быть старшей, если у нее нет старшей сестры.

Сложно вообразить, сколько смут и несчастий вызвали эти противоречивые притязания, и каждая партия стремилась усилить свою позицию, заручаясь иноземными союзниками. Дворцовая партия, лишенная достойного преданности предмета, была среди них самой преданной и объединялась сердечностью, заменявшей ей основательные принципы.

Сии убеждения разделяло, в основном, духовенство, за что их и именовали «первой партией». Медики составляли вторую; а юристы высказывались в пользу третьей, или партии младшей царевны, поскольку сие, казалось, оставляло наибольший простор для допустимых сомнений и бесконечного сутяжничества.

В то время как нация пребывала в столь горячем состоянии, в те земли прибыл князь Квифериквимини, который был бы самым безупречным

героем своего времени, не будь он мертв, говори хоть на одном языке, кроме египетского, и не будь у него три ноги. Невзирая на эти изъяны, он незамедлительно обратил на себя взоры всей нации, и каждая партия возжелала увидеть его женихом той царевны, интересы которой отстаивала.

Старый царь принял его с самыми высокими почестями; сенат адресовался к нему в высшей степени подобострастно; царевны так увлеклись им, что их вражда обострилась, как никогда прежде; а придворные дамы и петиметры изобрели по этому поводу тысячу новых мод — все должно было стать à la Квифериквимини. Как мужчины, так и женщины оставили румяна и помаду, дабы выглядеть более похожими на труп; их платье было вышито иероглифами и различными безобразными знаками, которые они смогли почерпнуть в египетских

древностях, и которыми им пришлось удовлетворяться за невозможностью выучить язык, который утрачен; а все столы, кресла, табуреты, секретеры и кушетки делались лишь с тремя ножками; последнее, впрочем, скоро вышло из моды, так как было чрезвычайно неудобно.

Князь, который с самой своей смерти отличался слабой конституцией, был несколько утомлен столь избыточным вниманием и часто желал оказаться у себя дома, в гробу. Однако величайшей трудностью для него было избавиться от младшей царевны, которая скакала за ним, куда бы он ни направился, была столь преисполнена восхищения перед тремя его ногами, столь смущалась своей всего лишь одной и пребывала столь озабоченной желанием постичь, каким образом крепятся три его ноги, что, будучи добродушнейшим человеком на свете, он

бывал глубоко потрясен всякий раз, когда ему случалось в приступе раздражения обронить несдержанную фразу, каковая неизбежно вызывала ее мучительные рыдания, отчего она выглядела столь безобразной, что становилось невозможно соблюдать с ней даже самую простую учтивость. Он имел не больше расположения к средней царевне — говоря по правде, привязанность его завоевала именно старшая; и страсть его однажды во вторник утром усилилась с такой яростью, что, отбросив все доводы благоразумия (ибо существовало много причин, по которым ему следовало бы остановить свой выбор на одной из других сестер), он поспешил к старому царю, открыл ему свое сердце и потребовал руки старшей царевны. Радость старого доброго монарха была несравнима ни с чем, ибо ему не хотелось ничего иного, кроме как дожить до заключения

этого брака. Заключив скелет князя в объятия и оросив впадины его щек горячими слезами, он дал свое согласие и добавил, что немедленно отречется от престола в пользу князя и своей любимой дочери.

Недостаток места вынуждает меня обойти стороной многие обстоятельства, которые очень украсили бы этот рассказ, и я сожалею, что должен охладить нетерпение моего читателя, сообщив ему, что, невзирая на рвение старого царя и юношеский пыл князя, свадьбу пришлось отложить; архиепископ заявил, что ее непременно условием должно быть отпущение, полученное от папы, поскольку стороны состоят в недозволительной степени родства; женщина, которой никогда не было, и мужчина, которого больше нет, согласно церковному закону являются двоюродными сестрой и братом.

Отсюда возникло следующее затруднение. Вероисповедание кви́фериковиминийцев совершенно противоречило религии папистов. Первые верили исключительно в благодать; у них был собственный первосвященник, который полагал, что обладает непререкаемым правом собственности на благодать, каковое право позволяет ему делать существующим никогда не существовавшее и препятствовать существующему существовать.

— Нам ничего не остается, — сказал князь царю, — как отправить к первосвященнику благодати официальное посольство с подарком в сотню тысяч миллионов слитков, и он сделает так, что Ваша очаровательная не-дочь явится существующей, помешает мне умереть, и не потребует никакого отпущения от вашего старого Римского дурака.

— Как! Ты, нечестивый, атеистичный мешок высохших костей, — вскричал старый царь, — ты смеешь оскорблять нашу святую веру? Ты не получишь мою дочь, ты, трехногий скелет — убирайся, будь погребен и проклят по заслугам; ибо ты столь же мертв, сколь и нераскаян; и я скорее отдам свое дитя бабуину, у которого одной ногой больше, чем у тебя, чем вручу ее настолько нечестивому трупу.

— Лучше бы Вы вручили свою одноногую инфанту бабуину, — сказал князь, — они больше друг другу подходят. Пусть я труп, я все же лучше, чем никто; а кто, к дьяволу, возьмет в жены Вашу не-дочь, кроме покойника! Что до моей веры, в которой я жил и умер, не в моей власти теперь изменить ее, даже если бы я того желал — разве что ради Вас...

Громкий крик прервал этот диалог, и капитан гвардии, вбежавший в

царский кабинет, сообщил Его Величеству, что средняя царевна из мести отвергнувшему ее князю отдала свою руку солевару, состоявшему в городском совете, и что горожане, обсудив этот союз, провозгласили их царем и царицей, позволив Его Величеству сохранить за собой титул до конца жизни, срок коей был ими установлен в полгода; и постановили из уважения к царственному происхождению князя, что тому следует немедленно лечь для прощания и быть торжественно погребенным.

Пертурбация сия была столь внезапна и всеобъемлюща, что все партии одобрили случившееся или были вынуждены сделать вид, что одобряют. Старый царь умер на следующий день, по словам придворных, от счастья; князя Квифериквимини похоронили, несмотря на то, что он ссылался на международное право; а младшая

царевна лишилась рассудка, и ее заперли в сумасшедший дом, где она денно и нощно призывала мужа с тремя ногами.

ТРЕТЬЯ СКАЗКА.
СТАКАНЧИК ДЛЯ
КОСТЕЙ.
ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА

*Переведено с французского
перевода графини Донуа
для развлечения мисс
Каролины Кэмпбелл.**

** Старшая дочь лорда Уильяма Кемпбелла, жившая со своей теткой, графиней Эйлсбери.*

Жил в Дамаске купец по имени Абулькасим, и у него была единственная дочь, которую звали Писсимисси, что означает «воды Иордана», поскольку при рождении фея предсказала ей, что она будет одной из наложниц Соломона. Когда ангел смерти Азазиэль перенес Абулькасима в края блаженных, тому было нечего завещать своему возлюбленному чаду, кроме скорлупы фисташкового ореха, запряженной слоном и божьей коровкой.

Писсимисси, которой было только девять лет от роду и которую доселе содержали под замком, не терпелось увидеть свет. Едва дух ее родителя отлетел, как она забралась в свой возок и, наставив слона и божью коровку, выехала

со двора как можно скорее, не задумываясь, куда направляется. Ее рысаки не переводили дух, пока не добрались до подножия не имевшей ни ворот, ни окон медной башни, где обитала старая колдунья, затворившаяся там со своими семнадцатью тысячами мужей. Там имелся только один доступ для воздуха, которым был крошечный зарешеченный дымоход, куда едва проходила рука. Писсимисси, не обладавшая терпением, велела своим рысакам взлететь и доставить ее на верхушку этой трубы, что они, будучи самыми послушными в мире созданиями, тут же исполнили; однако, к несчастью, передняя нога слона задела за верх дымохода и, обрушив своим весом решетку, настолько закрыла отверстие, что все мужья колдуньи без доступа воздуха задохнулись. Собрание это стоило колдунье больших забот и затрат, а потому легко вообразить ее досаду и

ярость. Она подняла бурю с громом и молниями, продолжавшуюся восемьсот четыре года; и, вызвав войско из двух тысяч бесов, приказала им освежевать слона живьем и приготовить ей на ужин под соусом из анчоусов. Ничто не спасло бы несчастного зверя, если бы, пытаясь освободиться из трубы, он по счастью не испустил ветры, которые, по-видимому, прекрасно предохраняют от бесов. Все они разлетелись на тысячу сторон и впопыхах наполовину растащили медную башню, благодаря чему слон, возок, божья коровка и Писсимисси высвободились; но, падая, они через крышу обрушились в лавку аптекаря и побили пузырьки со всевозможными снадобьями. Слон, высохший от утомления и не отличавшийся особым вкусом, немедленно всосал хоботом все микстуры, и сие произвело в его кишечнике такие разнообразные явления, что его мощное сложение

оказалось великим счастьем, иначе он бы от этого умер. Его испражнения были столь обильны, что была затоплена не только Вавилонская башня, возле которой стояла лавка аптекаря, но все окрестности на восемьдесят лиг до самого моря, где отравилось столько китов и левиафанов, что возникло поветрие, продолжавшееся три года, девять месяцев и шестнадцать дней. Поскольку слон невероятно ослаб от происшедшего, ему нельзя было тянуть возок еще полтора года, и это стало жестокой проволочкой для нетерпеливой Писсимисси, которая все это время не могла проделывать более ста миль в день, поскольку держала большое животное на коленях, а бедная божья коровка не могла совершать более длительных переходов без посторонней помощи. Кроме того, Писсимисси покупала все, что попадалось ей на глаза по пути; и все это загружалось в возок под сиденье.

Она приобрела девяносто две куклы, семнадцать кукольных домиков, шесть возов засахаренной сливы, тысячу локтей имбирного пряника, восемь танцующих собачек, медведя и мартышку, четыре игрушечных лавки со всем их содержимым и семь дюжин передничков с пелеринкой самого последнего фасона. Они тряско перебирались со всем этим грузом через гору Кавказ, когда громадная птица-колибри, пораженная красотой крыльев божьей коровки, которые, о чем я забыл упомянуть, были рубиновыми в крапинках черного жемчуга, тут же с налету обрушилась на свою жертву и проглотила божью коровку, Писсимисси, слона и все их приобретения. Случилось так, что эта колибри принадлежала Соломону; он выпускал ее из клетки каждое утро после завтрака, и она всегда возвращалась домой, когда завершал свое заседание совет. Ничто не могло

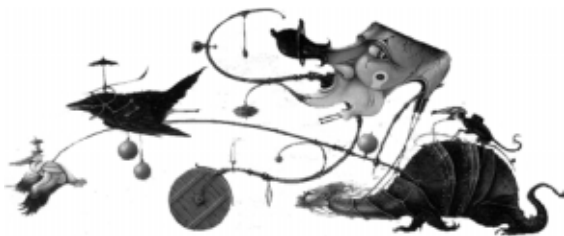
сравниться с изумлением Его Величества и придворных, когда милое крошечное создание объявилось со слоновьим хоботом, свисающим из божественного клювика. Однако когда прошло первое потрясение, Его Величество, который, разумеется, являл собой самую мудрость, так понимал натурфилософию, что его рассуждения об этих материях были совершенно очаровательны, и который в тот самый момент составлял коллекцию высушенных зверей и птиц в двенадцати тысячах томов на лучшей писчей бумаге формата ин-фолио, немедленно постиг, что произошло, извлек из бокового кармана своих бриджей собственной огранки алмазный футляр для зубочистки, выточенной из рога единственного единорога, которого он видел, и, воткнув ее в морду слона, начал тянуть; но вся его философия отошла в сторону, когда он увидел у слона между ног

голову прекрасной девочки, а у нее между ног — простирившийся вместе с флигелями на тридцать футов кукольный домик, из окон коего дождем посыпались засахаренные сливы, сложенные там для экономии места. Затем последовал медведь, стиснутый тюками пряников, сплошь перемазанный ими и выглядевший неопрятно; мартышка с куклой в каждой лапе, набившая за щеки столько засахаренных слив, что щеки свисали по бокам и тащились за нею по земле, как прекрасные груди герцогини ***ской. Соломон, однако, не обратил на это шествие особого внимания, захваченный очарованием прелестной Писсимисси: он стал немедленно импровизировать на тему Песни Песней; и то, что он узрел — я имею в виду, все, что выходило из горла колибри — произвело в его мыслях такую путаницу, что нельзя отыскать ничего более несхожего с

красотами Писсимисси, чем то, с чем он их сравнивал. Он исполнял свои песнопения, слишком греша против лада, и одному богу известно, каким скверным голосом, и Писсимисси это отнюдь не утешало: слон порвал ее лучший передничек с пелеринкой, и она плакала, редела и так верещала, что, хотя Соломон нес ее на руках и показывал ей все имевшиеся в храме прекрасные вещи, ничто не могло ее успокоить. Царица Савская, в это время игравшая в триктрак с первосвященником, — она каждый год в октябре приезжала беседовать с Соломоном, хотя не понимала ни слова на древнееврейском, — услышав шум, выбежала из будуара; и, увидев царя с верещающим ребенком на руках, язвительно спросила его, подобает ли его общепризнанной мудрости выступать со своими ублюдками перед всем двором? Вместо ответа Соломон продолжал петь: «У нас растет

сестренка, нет у нее груди», — и это так взбесило Савскую властительницу, что, поскольку в руке у нее случился один из стаканчиков для игральных костей, она без церемоний запустила им царю в голову. Колдунья, которую я упоминал ранее, невидимо следовавшая за Писсимисси и вовлекшая ее в череду несчастий, заставила этот стаканчик отклониться и направила его в нос Писсимисси, отчасти приплюснутый, как у мадам де ***, где он и застрял, а поскольку он был из слоновой кости, Соломон впоследствии сравнивал нос своей возлюбленной с башней, ведущей в Дамаск. Царица, хотя ей было стыдно за свое поведение, в душе не сожалела о содеянном; однако когда она обнаружила, что это только усилило монаршую страсть, ее презрение удвоилось; и, обозвав его про себя тысячей старых дурней, она кликнула свой портшез и в ярости удалилась, не

оставив даже шести пенсов прислуге;
и никому не известно, что случилось с нею
или с ее царством, о котором с тех пор
ничего не слышно.

ЧЕТВЕРТАЯ СКАЗКА.
ПЕРСИК В БРЕНДИ.
МИЛЕЗСКОЕ
СКАЗАНИЕ*.

** Эта сказка была написана для Анны Лиддел, графини Оссори, жены Джона Фицпатрика графа Оссори. У них была дочь Анна, предмет этой истории.*

Фиц Сканлана Мак Гиолла l'ha druig¹, короля Килкенни, тысяча пятьдесят седьмого потомка Милезия, короля Испании, была единственная дочь по имени Прописное А, в позднейшем искажении — Прописная; когда она достигла зрелых лет и была полностью посвящена своими августейшими родителями в искусство правления, любящий монарх решил отречься от престола в ее пользу: подобающим образом созвав сенат, он объявил свое решение, и, вложив скипетр в руку принцессы, побудил ее взойти на трон, и, дабы подать пример, первым поцеловал ее руку, поклявшись в вечном повиновении. Сенаторы были готовы задушить

1 Звание пэра Ирландии в роде Фицпатриков.

новую королеву панегириками и речами; народ, хотя и любил старого короля, был воодушевлен появлением нового суверена, а университет, согласно незапамятной традиции, преподнес ее величеству три месяца спустя, когда все уже позабыли о произошедшем, свидетельства безмерной печали и безмерной радости, испытываемой ими от потери одного монарха и обретения другого.

Ее величеству пошел пятый год, и она была образцом ума и благонравия. В своем первом обращении к сенату, которое она прошепелявила с неподражаемым изяществом, она уверила их, что ее сердце всецело ирландское¹, и что она не намерена далее ходить на помочах, в доказательство чего незамедлительно провозгласила свою няньку премьер-министром. Сенат рукоплескал сему мудрейшему выбору с еще большим

1 Королева Анна в своей первой речи перед парламентом сказала, что ее сердце всецело английское.

восторгом, нежели прежнему, и проголосовал за то, чтобы поднести в дар королеве миллион засахаренных слив, а ее фаворитке — двадцать тысяч бутылок виски. Тогда ее величество, спрыгнув с трона, огласила свое монаршее желание поиграть в жмурки, но поднялась такая суета, поскольку сенаторы толкались, и давились, и тискались, и шпыняли друг друга локтями за честь первым завязать себе глаза, что в толчее ее величество была уронена на пол и набила себе на лбу шишку размером с голубиное яйцо, что заставило ее завопить так, что слышно было до самого Типперери. Старый король впал в ярость и, схватив жезл, вышиб мозги канцлеру, у которого в ту пору таковых не случилось; а у королевы-матери, сидевшей на возвышении, чтобы видеть церемонию, сделался припадок, и она разрешилась близнецами, которых убил испуг матери¹, но граф

1 Леди Оссори как раз тогда выкинула двух сыновей.

Буллабу, королевский мажордом, сидевший рядом с королевой, поймал одного из мертвых младенцев и, удостоверившись, что это мальчик, подбежал к королю и поздравил его с рождением сына и наследника¹. Король, вновь обретший свой мягкий нрав, назвал его дураком и невежей, по каковому поводу мистер Фелим О'Муки, истовый придворный, весьма разумно выступил и обвинил графа Буллабу в государственной измене за утверждение, что у его покойного величества были другие наследники, кроме нынешней законнейшей и благочестивейшей монархини Прописной. Большинство голосов был принят вотум недоверия; хотя и не без некоторой оппозиции, особенно со стороны знаменитого килкеннийского оратора, имя которого до нас, к сожалению, не дошло,

1 Домоправитель, когда лорд Оссофи пришел домой, поздравил его с рождением сына и наследника, хотя оба младенца были мертворожденными.

поскольку его впоследствии стерли во всех летописях (так говорит ирландский автор, которого я пересказываю), когда он стал лордом-казначеем, а он был им во все время правления преемника Прописной. Суждение, высказанное этим мистером Киллиноракилом, имя которого до нас не дошло, как пишет мой автор, было таково: поскольку ее величество королева-мать зачала сына до отречения его величества, сын является несомненным наследником короны, и, соответственно, отречение недействительно, ибо в нем ни на йоту не важно, родился ребенок живым или мертвым: ребенок был жив, сказал он, когда был зачат — тут его призвал к порядку доктор О'Флаерти, повитух королевы-матери и член городского совета Корбелли, который вступил в ученый спор об эмбрионах; но его прервала юная королева, с плачем потребовавшая ужин, вопрос о котором был вынесен на голосование

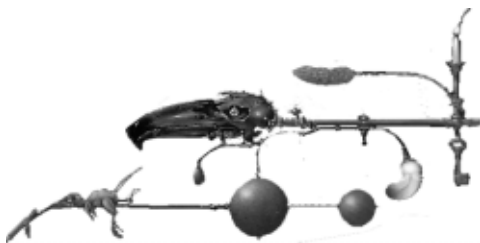
ранее и не получил ни одного голоса против; потом заседание было возобновлено, и дебаты сошли на нет из-за стремления большинства пойти и выпить за здоровье ее величества. Это кажущееся насилие стало основанием для очень серьезного протеста, поданного сэром Арчи Мак Сарказмом, протеста, в котором он так искусно обосновал притязания покойного плода, что это привело к гражданской войне и вызвало все те кровавые бойни и разрушения, что так долго опустошали древнее королевство Килкенни. Прекратил их счастливый случай, о чем прекрасно известно, как пишет мой автор, любому, но, тем не менее, он считает своим долгом рассказать о нем для тех, кто ничего об этом не слышал. Вот что он пишет:

«Случилось, что архиепископ Туум (ошибочно называемый Меум служителями римско-католической церкви), великий ум своего времени, был в личных

покоях королевы-матери, которая держала юную королеву на коленях¹. Его милость внезапно постиг приступ колик, заставивший его так гримасничать, что королева-мать подумала, будто он умирает, и выбежала из комнаты, чтобы послать за доктором, ибо она была образцом добросердечия и не знала гордыни. Когда она вышла в комнату прислуги, чтобы позвать кого-нибудь согласно простым нравам того времени,

1 Некоторые комментаторы по невежеству предполагают, что ирландский автор в данном фрагменте виновен в серьезном анахронизме: ибо, сказав, что споры о престолонаследии вызвали длительные войны, он, тем не менее, изображает королеву Прописною в момент их завершения сидящей на коленях матери, как ребенок. Что ж, я могу опровергнуть их самой постановкой их вопроса. «Как ребенок» не означает, что она и в самом деле была ребенком, она лишь сидела, как ребенок; ей могло быть и тридцать лет от роду. Юристы объявили, в какой период своей жизни король может быть совершеннолетним прежде, чем достигнет совершеннолетия; но ни Гротийус, ни Пуффендорф, ни кто другой из их племени, не установил, как долго король или королева может оставаться младенцем после того, как их младенчество кончится.

боли архиепископа усилились, и, усмотрев на каминной полке нечто, принятое им за персик в бренди, он тут же залпом проглотил это, не произнеся молитвы, да простит его Господь, и ощутил от того значительное облегчение. Он не успел облизнуть губы, когда вернулась королева-мать, и Прописная воскликнула: «Мама, мама, джентльмен съел братика!». Это удачное происшествие положило конец соперничеству, ибо мужская линия полностью угасла с пожранным принцем. Однако архиепископ, ставший папой римским под именем Иннокентия III, впоследствии прижил со своей сестрой сына и назвал его Фицпатриком, поскольку в его жилах текло некоторое количество королевской крови; от него-то и происходят все младшие ветви Фицпатриков наших дней. Что до прочих деяний Прописной и того, что она совершила, разве не записаны они в хрониках королей Килкенни?

ПЯТАЯ СКАЗКА.
МИ ЛИ.
КИТАЙСКАЯ СКАЗКА

и Ли, китайский принц, был возвращен своей крестной, феей Хи, знаменитой своим гаданием о судьбе на чайной чашке. Полагаясь на этот непогрешимый оракул, она убедила принца в том, что он станет самым несчастным человеком на свете, если не женится на принцессе, которая носит одно имя с владениями своего отца. Поскольку по всей вероятности такое могло случиться только с одной особой на всем свете, принц решил, что будет проще просто узнать, кто его суженая. Он был слишком хорошо воспитан, чтобы задать этот вопрос своей крестной, поскольку знал, что она изрекает предсказания, дабы смутить, а не известить; что и заставило людей так охотно обращаться ко всем

тем, кто не дает ясных ответов, — про- рокам, юристам или тем, кто встреча- ется вам на пути и на вопрос о дороге высказывает желание узнать, откуда вы идете. Вернувшись во дворец, Ми Ли тотчас же послал за своим дядькой, ко- торый был глух и нем, за каковые каче- ства фея и выбрала его, потому что он не мог внушить своему питомцу дур- ных принципов; однако это возмеща- лось тем, что он мог объясняться на пальцах, как ангел. Ми Ли прямо спро- сил его, что за принцесса носит одно имя с королевством своего отца. Принц слегка преувеличил, но кто и когда по- вторяет в точности то, что услышал? К тому же, сие можно было простить на- следнику великой монархии, которого обучали всему на свете, кроме как го- ворить правду: возможно, он даже не слышал о таковой. И все же, не ко- ролество, ошибочно упомянутое вме- сто владений, озадачило дядьку. Ни

одна вещь не становилась ему понятнее оттого, что ее правильно определили. Тем не менее, поскольку он отличался большой собранностью ума, которая заключалась в том, что он никогда не давал прямого ответа (хотя и делал вид, будто мог бы), он сказал, что это вопрос слишком большой важности, чтобы решить его сразу.

— Откуда ты знаешь? — спросил принц.

Сие юношеское нетерпение подсказало дядьке, что вопрос куда важнее, чем ему показалось; и хотя он мог быть весьма серьезен на вид без всякого к тому повода, серьезность эта возрастала десятикратно, когда он чего-либо не понимал. Однако это неведомое что-то привело к столкновению его хитрости и неведения, а последнее, перевешивая, всегда выдает себя, ибо ничто не выглядит глупее, чем дурак, изображающий мудреца. Принц повторил свой

вопрос, а дядька спросил у него, зачем он спрашивает — у принца не хватило терпения снова объяснить этот вопрос на пальцах, и он, непонятно зачем, проревел его как можно громче. Сбежались придворные и, услышав слова принца, подхватили их и переврали, так что весь Пекин, а там и провинции, а там и Тартарию, а там и Московию облетело известие, что принц желает знать, какая принцесса носит одно имя со своим отцом. Поскольку китайцы (насколько я знаю) лишены благословения обладать фамилиями, как мы, и поскольку имена, которые давали бы им при крещении, будь они крещены, совершенно различны у мужчин и женщин, китайцы, полагаяющие, что весь мир должен следовать обычаям, которым следуют они, решили, что на всем пространстве квадратной земли не может существовать женщина, которая носит одно имя со своим отцом. Они

повторяли это столь часто, с такой почитительностью и с таким упорством, что принц, который совершенно забыл первоначальное предсказание, уверился в том, что ему хочется узнать, что за женщина носит одно имя со своим отцом. Однако, памятуя, что речь шла о чем-то, показавшимся ему королевским, он всегда говорил «своим отцом-королем». Первый министр справился по красной книге, или придворному календарю, который был его оракулом, и не смог отыскать такую принцессу. Все посланники при иностранных дворах получили предписание разузнать, существует ли подобная дама; однако потребовалось столько времени, чтобы зашифровать эти предписания, что нетерпение не позволило принцу дожидаться, пока соберутся в путь придворные, и он решил отправиться на поиски принцессы сам. Старый император, предоставивший, как это принято,

сыну вести дела самостоятельно, как только ему исполнилось четырнадцать лет, был очарован намерением принца повидать свет, что, по его убеждению, можно было осуществить за несколько дней, каковая легкость и заставляет многих монархов не двигаться с места, пока не становится слишком поздно; и Его Величество объявил, что одобрит выбор сына, если эта дама, кем бы она ни оказалась, будет, отвечая божественному предопределению, носить то же имя, что и ее отец.

Принц отправился на почтовых в Кантон, намереваясь сесть на борт английского военного судна. С каким же бесконечным волнением услышал он вечером перед отплытием, что один матрос знает именно ту даму, которая его интересовала. Принц обжегся чаем, который в тот момент пил, разбил старую фарфоровую чашку, которую императрица-мать подарила ему при

отъезде из Пекина, и которую подарил ее прапрапрапрабабке императрице Фи сам Конфуций, и побежал к кораблю спрашивать человека, знакомого с его невестой. Им оказался честный Том О'Булл, матрос-ирландец, который через переводчика, мистера Джеймса Холла, второго помощника, сообщил Его Высочеству, что у мистера Боба Оливера из Слайго имеется дочь, которой при крещении дали оба его имени — прекрасная барышня Боб Оливер¹. Принц силой данной ему власти произвел Тома в мандарины первого класса и по желанию Тома пообещал ему просить своего брата, короля Великой Ирландии, Франции и Британии, чтобы тот сделал его пэром в своей стране, потому что, как сказал Том, ему будет стыдно вернуться туда, не сделавшись таким же господином, как его приятель.

1 Такая особа существовала в действительности.

Страсть принца, которую сильно разожгло описание Томом очарования ее высочества Боб, не позволила ему дожидаться, пока из Пекина прибудет должное общество дам, чтобы составить свиту его невесты, и он взял с собой дюжину жен виднейших кантонских купцов и еще две дюжины девственниц на роль фрейлин; последние, впрочем, утратили свою пригодность к данному званию прежде, чем Его Высочество добрался до острова Святой Елены. Одну из них сделал своей женой сам Том, однако он стал таким любимцем принца, что за ней сохранилось звание фрейлины невесты, а впоследствии она с согласия Тома вышла замуж за английского герцога.

Ничто не сможет живописать отчаянье царственного влюбленного, когда он, высадившись в Дублине, узнал, что принцесса Боб покинула Ирландию, выйдя замуж неизвестно за кого. К счастью для

Тома, он был на Ирландской земле. Его изруббили бы, мельче, чем рис, потому что обман наследника престола, совершенный по незнанию, в Китае карается смертью. Совершение сего умышленно считается не большим преступлением, чем в других странах.

Поскольку китайский принц не может жениться на женщине, которая уже была замужем, Ми Ли следовало искать другую столь же подходящую даму, как барышня Боб, кою он забыл в тот самый миг, когда узнал, что женится на другой, с такой же страстью влюбившись в эту другую, хотя еще не знал, в кого именно. Пребывая в сей неизвестности, он увидел во сне, «что найдет предназначенную ему супругу, чей отец утратил владения, которыми никогда не владел, в том месте, где мост не над водой, надгробие, под которым никого не хоронили и не похоронят, руины, которые больше, чем были прежде, подземный ход, в

котором будут собаки с рубиновыми и изумрудными глазами, и вольер с китайскими фазанами, прекраснее, чем в обширных садах его отца». Это предсказание показалось ему настолько неосуществимым, что он поверил ему больше, чем первому, доказав этим свое величайшее благочестие. Он решил приняться за повторные розыски и, узнав у вице-короля, что в Англии есть некто мистер Бэнкс¹, который собирается объехать весь мир в поисках неизвестно чего, Его Высочество решил, что не отыщет себе лучшего проводника, и отплыл в Англию. Там он узнал, что мудрец Бэнкс находится в Оксфорде и разыскивает в библиотеке Бодлея записки о путешествиях человека, побывавшего на луне, которая, как полагал мистер Бэнкс, лежит в западном океане, где луна садится, и каковую планету, открыв еще раз, он сможет

1 Джентльмен, вместе с мистером Соландером открывший Таити.

именем Его Величества объявить собственностью короны, при условии, что ее никогда не станут облагать налогами, дабы не утратить, как все прочие владения Его Величества в той части света.

Ми Ли нанял карету до Оксфорда, но она оказалась слегка подгнившей и сломалась на новой дороге в Хенли. Проходивший бродяга посоветовал ему добраться до генерала Конвея, который, будучи самым любезным человеком на свете, безусловно, одолжит ему свой экипаж. Принц путешествовал инкогнито. Он последовал совету бродяги, однако, дойдя до усадьбы, услышал, что господу где-то в парке, но его могут к ним проводить. Через вековые буквые заросли его провели к вольеру¹, являвшему собою зрелище более величественное, нежели любой вид во владениях его отца, полному китайских фазанов. В восторге принц воскликнул:

1 Принадлежавшему леди Эйлсбери.

— О, могущественная Хи! Мой сон начинает сбываться.

Садовника, который знал по-китайски лишь названия некоторых растений, поразило сходство звучания, однако вежливость не позволила ему сказать ни слова. Не найдя здесь своей госпожи, он пошел обратно, и, зайдя внезапно в самую густую чащу, спустился в совершенно темную пещеру, куда за ним смело последовал неустрашимый принц. Зайдя довольно далеко по этому подземному ходу, они наконец заметили впереди свет, и тут внезапно у них за спиной очутились несколько маленьких спаниелей и, обернувшись, принц заметил, что их глаза светятся, как рубины и изумруды¹. Вместо того, чтобы изумиться, как

1 В Парк-плейс есть подобный ход, прорубленный в меловом холме: когда собаки находятся посередине, свет, падающий через вход, заставляет их глаза сверкать описанным здесь образом.

изумился бы родоначальник его народа Фо Хи, принц снова разразился восклицаниями:

— Я приближаюсь! Я близко! Я отыщу мою невесту! Великая Хи! Ты непогрешима!

Выйдя на свет, невозмутимый садовник¹ повел Его Высочество к груде искусственных² руин, под которыми им открылась просторная галерея или аркада. Здесь садовник спросил у Его Высочества, не желает ли тот отдохнуть, однако вместо ответа принц скакал, как умоисступленный, возглашая:

— Я приближаюсь! Я приближаюсь! Великая Хи! Я близко!

Садовник был поражен и задумался, не ведет ли он к своим господам безумца и стоит ли провожать его дальше, но поскольку он не понимал слов

1 Коупленд, садовник, весьма серьезная личность.

2 Вследствие чего лишь кажется, что прежде они были больше.

принца, но определил, что перед ним, по всей видимости, иностранец, он заключил, что тот, должно быть, француз, судя по его танцам. Поскольку незнакомец оказался проворным и совсем не устал от прогулки, мудрый садовник направился с ним вниз по склону долины между двух холмов, заросших до самых вершин кедрами, елями и соснами, каковые, как он позаботился объяснить принцу, собственноручно высажены его честью генералом; однако хотя за три дня в Ирландии принц выучился английскому языку лучше, чем все французы на свете выучились бы за три года, он не обратил на это сообщение никакого внимания, очень обидев садовника, но продолжал нестись вперед, и стал еще больше кричать и прыгать, когда заметил, что долина замыкается грандиозным мостом, сложенным, казалось, из тех камней, которыми титаны швыряли

Юпитеру в голову, и под мостом тем не было ни капли воды¹.

— Где же моя невеста, моя невеста? — воскликнул Ми Ли, — я должен быть от нее близко. Вопли и возгласы принца заставили выйти хозяйку дома, располагавшегося на обрыве над мостом и нависавшего над рекой.

— Моя госпожа в Форд-хаусе, — крикнула им добрая² женщина, которая была глуховата и решила, что звали ее, чтобы узнать об этом. Садовник знал, что толковать с ней о своих злоключениях бесполезно, и подумал, что если несчастный господин действительно не в своем уме, то его хозяин-генерал будет

1 Сельский мост в Парк-плейс был построен генералом Конвеем для продолжения дороги из Хенли, дабы сделать возможным сообщение через его земли по обе стороны дороги. Vide последнюю страницу Тома 4 «Анекдотов о живописи».

2 Старая женщина, следившая за домом, выстроенным генералом Конвеем, дабы создавать великолепный вид. Форд-хаус — ферма на краю поместья.

самым подходящим человеком, чтобы о нем позаботиться. Так что, повернув налево, он повел принца вдоль берега реки, сверкавшей за непахаными полями, на другом берегу которой по отвесному меловому утесу ползла дикая поросль, оттенявшая зелень лугов и пшеничных полей. Принц, которого эти чарующие виды оставили безучастным, бешено мчался вперед, увлекая за собою вприпрыжку бедного садовника, пока их не задержало одинокое¹ надгробие, которое обступали кипарисы, тисы и ивы, выглядевшее памятником некоему безрассудному юноше, погибшему в борьбе с течением, и подошедшее бы доблестному Леандру. Тут Ми Ли впервые собрался с мыслями, вспомнил весь скудный английский, которому успел научиться, и с

1 Ложная могила красиво расположена у реки и выстроена, дабы создавать вид: на ней имеется маленькая пирамида.

жаром спросил садовника, чья перед ними могила.

— Ничья.

Прежде, чем тот мог продолжать, принц перебил его:

— А она всегда останется ничьей?

«Ого! — подумал садовник, — теперь уже нет никаких сомнений в его безумии», — и, заметив, что приближается господское семейство, предпринял попытку подойти к ним первым, однако принц, который был младше и которого, к тому же, несли крылья любви, опередил его и устремился вперед во весь опор, едва увидев общество и, в особенности, находившуюся среди них юную барышню. Задыхаясь, он подбежал к леди Эйлсбери и, схватив за руку мисс Кэмпбелл, вскричал:

— Она кто? Она кто?

Леди Эйлсбери закричала, юная девушка завизжала, а генерал, который был сдержан, но оскорблен, вторгся

между ними и, если принцев хватают за ворот, собирался схватить его за ворот — но Ми Ли, с силой перехватив его руку, продолжая указывать свободной рукой на свою награду и умоляя ответить ему самым страстным и просящим взглядом, продолжал восклицать:

— Она кто? Она кто?

Генерал, понявший по выговору и манерам, что тот иностранец, и склонный скорее рассмеяться, чем рассердиться, ответил ему с насмешливой учтивостью:

— Как же, «она» — мисс Каролина Кэмпбелл, дочь лорда Уильяма Кэмпбелла, покойного губернатора Его Величества в Каролине.

— О, Хи! Теперь я вспомнил твои слова! — воскликнул Ми Ли.

Вот так она стала принцессой в Китае.

ШЕСТАЯ СКАЗКА.
ИСТОРИЯ
ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

разгар вражды между партиями гвельфов и гибеллинов отряд венецианцев вторгся во владения рода Висконти, правителей Милана, и захватил юного Ордоната, бывшего тогда на попечении кормилицы. В ту пору семья его впала в немилость, хотя они и могли похвастаться тем, что их предком был Канис Скалигер, владыка Вероны. Похитители продали прекрасного Ордоната богатой вдове из благородного семейства Гримальди, которая, не имея собственных детей, растила его так нежно, как если бы он был ее сыном. Ее привязанность усиливалась по мере того, как его стать и очарование становились все очевиднее, и буйство его страстей возрастало потаканием синьоры Гримальди. Нужно ли говорить, что

душою Ордоната всецело правила любовь? Или что в городе, подобном Венеции, облик, подобный облику Ордоната, не встречал особого сопротивления?

Кипрейская царица, которую не удовлетворяли многочисленные приношения Ордоната на ее алтари, не была удовлетворена, пока его сердце оставалось незанятым. На другой стороне канала, напротив дворца Гримальди, стоял монастырь кармелиток, у аббатисы которого была юная африканская рабыня редчайшей красоты по имени Азора, годом младше Ордоната. Гагат и японский лак показались бы рыжими и лишенными блеска в сравнении с Азрой. Африка не рождала особы, столь безупречной, сколь Азора; и Европа могла похвастаться лишь одним Ордонатом.

Синьора Гримальди, не будучи святошей, все же отличалась благочестием, но так как пикет был ей более по сердцу, чем молитвы, она предпочитала

короткие мессы, чтобы уделить больше своего драгоценного времени картам. Это побудило ее предпочесть церковь кармелиток, отделенную лишь небольшим мостом, хотя аббатиса и состояла во враждебной партии. Однако, поскольку обе они были достойными дамами и прежде между ними не случилось размолвок, которые могли бы оправдать неучтивость, они всегда обменивались реверансами, холодность коих каждая притворно объясняла сосредоточенностью на богослужении, хотя синьора Гримальди едва ли внимала священнику, а аббатиса по большей части была занята тем, что наблюдала и осуждала невнимание синьоры.

Совсем иначе было с Ордонатом и Азорой. Каждый постоянно сопровождал свою госпожу на мессу, и мгновение, когда они впервые увидели друг друга, решило судьбу обоих сердец. В Венеции для Ордоната теперь была

лишь одна красавица, а Азора только сейчас заметила, что могут быть создания более прекрасные, чем некоторые монахини-кармелитки.

Уединение аббатисы и неприязнь между двумя дамами, весьма искренняя со стороны святой матери, лишала влюбленных всякой надежды. Азора сделалась мрачна, задумчива и грустна; Ордонат угрюм и неуступчив. Даже его привязанность к своей доброй покровительнице несколько ослабела. Он сопровождал ее неохотно, за исключением часов молитвы. Часто, если в доме забывали запереть дверь, она находила его на ступенях церкви. Синьора Гримальди не обладала даром наблюдательности. Она охотно потакала своим страстям, редко обуздывая страсти окружающих; и, хотя благие помышления нечасто рождались в ее воображении, она была готова исполнить таковые, если к ней обращались за помощью, и всегда

милосердно говорила за картами об обездоленных, если карта ей шла.

И все же возможно, что она никогда бы не узнала о страсти Ордоната, если бы ее служанка, кою снедала зависть к любимцу хозяйки, не намекнула ей об этом; заметив при том, всецело по доброте душевной, как чудесно все устроилось для влюбленных, и что, поскольку госпожа уже в годах, и, разумеется, не собирается обеспечивать будущее создания, купленного на рынке, было бы милосердно поженить влюбленную пару и поселить их на ферме в деревне.

По счастью, госпожа Гримальди всегда была восприимчива к хорошему и редко — к дурному. Не угадав злого умысла служанки, она увлеклась мыслью о браке. Дело это было ей по сердцу, и она всегда споспешествовала ему, когда то было в ее власти. Она лишь изредка создавала сложности и никогда не осознавала их. Даже не расспросив

Ордоната о его склонностях, не припомнив, что госпожа Капелло и сама она состояли в различных партиях, не предприняв никаких предосторожностей на случай отказа, она незамедлительно написала аббатисе, предлагая поженить Ордоната и Азору.

Последняя была в покоях госпожи Капелло, когда записку доставили. Вся ярость, столь удобная власти тем, что обуздана, вся суровость святоши, вся партийная желчь и все напускное негодование, к какому прибегает ханжество, когда речь идет о чувственных удовольствиях других, выплеснулись на беспомощную Азору, которая не могла догадаться, какое отношение к ней имеет роковое письмо. Ей пришлось стерпеть все клеветнические обвинения, которые аббатиса рада была обрушить на голову госпожи Гримальди, если бы ее натура и положение обидчицы позволяли это. Бессильные угрозы отмщения

повторялись снова и снова, и, поскольку никто в монастыре не осмеливался перечить ей, она удовлетворила свою злость и любовь к пустословию бесконечными тавтологиями. В итоге Азору посадили под замок, и ей были прописаны хлеб и вода как вернейшее лекарство от любви. Двадцать ответов госпоже Гримальди были написаны и разорваны как недостаточно выражающие презрение, бывшее скорее крикливым, чем красноречивым, и, в конце концов, исповедник аббатисы был принужден написать ответ, в который по его настоянию было включено изречение из Священного Писания, хотя и вынужденно смешанное с массой иронии по поводу древности рода обидчицы и бесчисленными неразборчивыми намеками на вульгарные истории, которые партия гибеллинов приберегала для нападок на гвельфов. Наиболее ясная часть послания провозглашала

приговор вечного целомудрия для Азо-ры, не без саркастических высказыва-ний относительно распутных походе-ний Ордоната, за которые, согласно правилам приличия, его давно следовало бы изгнать из дома вдовой матроны.

В тот самый момент, когда сей гроз-ный рескрипт был завершен и подпи-сан аббатисой при полном капитуле, и исповеднику было велено доставить его, прибежала запыхавшаяся привратни-ца монастыря и объявила почтенному собранию, что у Азо-ры, устрашенной ударами и угрозами аббатисы, начались родовые схватки, и она разрешилась до срока четырьмя щенками: ибо, да бу-дет сие известно потомкам, Ордонат был итальянской гончей, а Азора — чер-ным спаниелем.

СКАЗКА-ПРИЛОЖЕНИЕ*.
ПТИЧЬЕ ГНЕЗДО

** Эта сказка не входит в «Иероглифические сказки», изданные в Строберри-Хилл, и воспроизводится по рукописи, озаглавленной «Иероглифические сказки, Сказка Пятая». – Примечание издателя.*

юзальма, царица Серенди-па, отдыхала в Павильоне Ароматов на ложе, покрытом Периной из крыльев бабочек, когда Голос, какой возможно услышать лишь во Сне, произнес: «Гляди! Гляди!». Она повернула голову, не открывая глаз, и увидела в нескольких шагах за окном ствол прозрачного розового дерева, широко раскинувшего ветви с белыми фарфоровыми чашками и блюдами, распространявшими благоухание, подобное дыханию Гурий. На одной из верхних ветвей появилось птичье гнездо, свитое из валансьена, ажурного шитья и брюссельских кружев. Сгорая от нетерпения узнать, что же находится в гнезде, она влезла на

дерево, не шелохнувшись на ложе, и вдруг задела лежавший под гнездом флажолет, который немедленно исполнил итальянскую арию, начинавшуюся словами *Vita dell' alma mia*. Царица могла бы вечно внимать серебряным звукам, но в то же мгновение большой бутон на соседней ветви распустился и превратился в зеркало в форме сердца, в котором она с восторгом узрела себя в тысячу раз красивее, чем обычно, хотя была прекраснее Азруз, любимой наложницы Соломона. Заключив, что сей восхитительный цветок — дар небес, она подумала, что было бы грехом когда-либо перестать смотреться в него и приняла подобающе самую отдохновенную позу, какую могла измыслить, намереваясь остаться в этом положении навеки. Не успела она прийти к сему благочестивому решению, как послышалось яростное

щелканье зубов и странные невнятные звуки. Посмотрев вниз, она увидела преогромного Пунцового Бабуина, по меньшей мере десяти футов росту, который, — ибо она забыла, что стоит на очень высокой ветке, а погода весьма ветреная, — казалось, увлеченно разглядывает ее подвязки, вышитые голубиными глазками и создававшие подобие любовного полумрака под покровом окружавших ее одежд. Едва ли кто оказывался в положении столь чувствительном и отчаянном, как Ее Величество. Стоит ей забраться выше, каковым было ее первое желание, она еще более выставит свою особу напоказ. Если же спрыгнуть вниз, опасность лишь увеличится. Что она могла сделать? Лишь то, что Женщина всегда делает в отчаянном положении — то бишь ничего. Она точно знала, что дурных намерений у нее не было — во

всем была виновна Судьба, и могла ли она управлять Судьбой? А потому, намерившись не становиться соучастницей того, что могло произойти, что бы это ни было, она порешила забыть о Бабуине; но поскольку Долг каждого — употребить все, что в его силах, дабы убедить влюбленного, что у него нет надежды, и поскольку ничто не может изгнать из головы даже нежелательного кавалера, кроме мыслей о самой себе, она с удвоенной серьезностью снова воззрившись в чудесное зеркало, но обнаружила, что прежняя Поза уже не доставляет ей того удовольствия. Она стала так скоро и часто менять положение, что Бабуин, бывший отличным подражателем, не мог не повторять ее движений, да так, что все птички в лесу смеялись до слез. Она собиралась рассердиться, но тут часы, сделанные из просяного зернышка,

которые она носила в ушке, пробили шесть, и она узрела у подножия дерева почтенного Мужа в белых одеждах из жемчужных нитей, ниспадавших до самой земли и схваченных у талии поясом из изумрудов, составлявших подобие фиговых листьев, с весьма потертой из-за частых расстегиваний пряжкой, поскольку Он купался в Евфрате семь раз в день, а Ему было пять тысяч девятьсот тринадцать лет. Обращаясь к Царице, он произнес:

— Яркая Звезда утра, отринь свои страхи; узри во мне Патриарха Авраама!

— Господи, помилуй! — сказала она. — Как Вы здесь оказались?

— Когда я был восхищен из Мира сего, — отвечал он, — Азуриэлем, Ангелом Смерти, и он нес мою Душу на Небеса, раздался Голос из этого Леса: «Ах ты, старый Злодей, неужели мало

тебе было оставить меня и моего бедного малютку Измаила умирать от голода в этой пустыне, так теперь ты еще и на небо без меня собрался! Азуриэль, — продолжала она, — я требую, чтобы ты взял меня вместе с этим Обманщиком». «Сударыня, — ответил Ангел, — это невозможно — так или иначе, Сарра попала туда до Вас, и если вы двое встретитесь, мира не жди. Все, что я могу сделать для Вас, это вот что. Авраам раз в неделю двенадцать часов будет бродить по этой пустыне вместе с Вами, но, поскольку Вам от его компании проку не будет, ибо Он останется лишь Душой, и поскольку Сарра все равно устроит скандал, если увидит Его с Вами в человеческом обличье, он будет принимать форму любого Животного, какого пожелает — и Он должен смириться с этими превращениями до тех пор, пока Женщина, более

прекрасная, нежели Вы, с чудеснейшей фигурой, чернейшими глазами и алейшими губами в мире не придет в этот лес за Птичьим Гнездом». Я, — продолжал Авраам, обращаясь к Царице, — нес это наказание около пяти тысяч лет, не надеясь избавиться от него, пока четверть часа назад не увидел Вас спящей в Павильоне Ароматов. Это я прошептал, чтобы Вы взглянули на дерево, и ожидания мои оправдались. Я увидел Женщину более прекрасную, чем Агарь, — нет, Сударыня, не краснейте — а Вы увидите Птицу Соломона! Смотрите! Смотрите!

Царица, услышав чириканье над головой, подняла глаза и увидела в гнезде на белой атласной подушечке, отделанной Бриллиантами и бирюзой, маленький пурпурный финик из Аметиста, у которого была голова снегиря из рубина и гагата, топазовый клюв и

хвост из павлиньих перьев, украшенный радугами. Прелестное крохотное создание, бывшее в тридцать раз меньше мельчайшей колибри, сидело на двух опаловых страусиных яйцах — и это вовсе не было удивительно, ибо все, что принадлежало Соломону, имело дар сколь угодно увеличиваться в Размерах; и милому крохотному созданию было настолько же легко распространиться на два Страусиных Яйца, насколько легко напоить миллион человек допьяна одним единственным бокалом шампанского, что осуществилось бы, если бы их всего лишь можно было перенести в пустыню, где нет ни капли вина, потому как вся Трудность в совершении Чуда состоит в невозможности: кто угодно мог бы сотворить чудо, будь оно возможно. На одном яйце были странные Знаки, на другом еврейскими

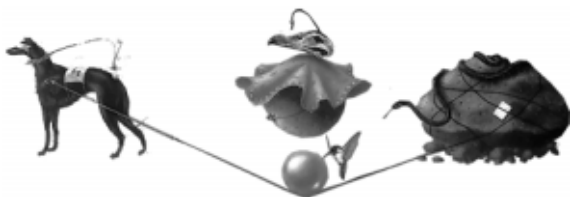
буквами были начертаны слова «Орокноз Алапол».

— Во имя неба, — вскричала Гюзальма, — откройте мне значение этих слов: в них должен быть чудесный смысл.

— Это имя великого Философа, — сказал Авраам, — который мудрее Соломона и пишет еще больше ерунды. Знаки, коих Вы не понимаете — это язык Западных Островов, ими начертано имя Орокноза Алапола, в переводе означающее «Ученейший из Истинно Верующих». Он полюбит Вас и станет сочинять сказки для Вашего развлечения — но дайте мне руку, и позвольте помочь Вам спуститься.

— Пойдите, — сказала она, — я только возьму немного семян этого цветка-зеркала, оно самое светлое из всех, что я видела; я прикажу вырастить такие в своей оранжерее и обставляю ими все комнаты.

Произнеся это, она протянула руку, чтобы сорвать цветок, но тут нога ее соскользнула с ветки, она упала — и проснулась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предшествующие сказки не выдаются ни за что большее, нежели они есть на самом деле: это всего лишь причудливая безделица, написанная главным образом для частного развлечения, и для частной же забавы отпечатано всего полдюжины экземпляров. Самое большее, что в них следует видеть, это попытку разнообразить избитый и затасканный род рассказов и романов, кои, хотя и сработаны изобретательно, почти всегда лишены воображения. Едва ли сие можно было счесть достойным похвалы, когда бы не было так очевидно из *Bibliothèque des Romans*, где собраны все вымышленные приключения, написанные на всех языках и во всех странах, как мало выдумки, как мало

разнообразия и как мало новизны в произведениях, в которых воображение не сковано никакими правилами и обязательствами говорить истину. Конечно больше вымысла в исторической науке, коя лишена достоинств, когда отступает от правды, нежели в романах и повествованиях, где правды якобы нет.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Томас Кристиенсен.</i> Предисловие	5
Вступление	31
Новая забава из арабских ночей	41
Царь и три его дочери	57
Стаканчик для костей. Волшебная сказка .	71
Персик в бренди. Милезское сказание	83
Ми Ли. Китайская сказка	93
История истинной любви	113
Птичье гнездо	123
Заключение	135

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Кеннет Грант
ПРОТИВ СВЕТА

Кеннет Грант (р.1924) – крупнейший британский оккультист, ученик Алистера Кроули и Остина Османа Спейра. Основатель Ложы Новой Изиды и Тифонианского Ордена Восточных Тамплиеров, – магических обществ, работающих с темной стороной кабалистического Древа Жизни. Автор девяти книг, объединенных в циклы «Тифонианских трилогий». В романе «Против света» (1997) Грант изучает свою оккультную родословную, восходящую к ведьме Аврид, казненной в 1588 году за сношения с дьяволом в образе крокодила. Русский перевод книги публикуется впервые.

«Против света» – книга для отважных читателей, готовых бродить по темным лабиринтам и разглядывать удивительные картинки в сюрреалистическом калейдоскопе. Этот роман дышит мрачной роскошью золотного царства, где твердую почву сменяет податливая трясина. Врата, которые отыскал Кеннет Грант, открыты для всех, кто рискнет погрузиться в ошеломительные извивы нелинейного повествования.

Иэн Фрайз

Роберт Вальзер
РАЗБОЙНИК

«Разбойник» (1925) Роберта Вальзера – лабиринт невесомых любовных связей, праздных прогулок, кофейных ложечек, поцелуев в коленку, а сам главный герой то небрежно беседует с политиками, то превращается в служанку мальчика в коротких штанишках, и наряд разбойника с пистолетом за поясом ему так же к лицу, как миловидный белый фартук. За облачной лёгкостью романа сквозит не чёрная, но розовая меланхолия. Однако Вальзер записал это пустяковое повествование почти тайнописью: микроскопическим почерком на обрезках картона и обёрточной бумаги. А несколько лет спустя стал пациентом психиатрической лечебницы, в которой и провёл остаток жизни. На расшифровку микрограмм ушло пятнадцать лет труда четырёх филологов, и роман увидел свет только в 1972 году.

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Эрик Стенбок
ТРИУМФ ЗЛА

Граф Эрик Стенбок (1860–1895) происходил из шведско–немецкой аристократической семьи, владевшей обширными поместьями в Эстонии, но почти всю жизнь провел в Англии. Эксцентрик, опиоман, уранист, декадент, – Стенбок жил в мире грез, выбирался из дома только по ночам и не расставался с деревянной куклой, которую считал своим сыном. Он умер в первый день суда над Оскаром Уайльдом, и почти все экземпляры сборников его стихов и прозы были уничтожены родственниками после его смерти. Лишь в конце XX века музыкант Дэвид Тибет разыскал в архивах и издал «романтические истории» Стенбока. Они и вошли в эту книгу – первое собрание прозы графа Стенбока на русском языке.

Франсуа Жибо
НЕ ВСЕ ТАК БЕЗОБЛАЧНО

«Уже в детстве мне было легче общаться с Богом и мертвецами, чем с живыми», – признается Франсуа Жибо, французский писатель, известнейший адвокат, автор фундаментальной биографии Луи-Фердинанда Селина, коллекционер, меценат и, наконец, просто представитель парижского света.

Чтение романов Франсуа Жибо никому не наскучит – настолько далеки от обыденного унылого чтения эти живые воспоминания и свежие мысли.

Valeur actuelle

Пьер Гийота
МОГИЛА ДЛЯ ПЯТИСОТ ТЫСЯЧ СОЛДАТ

Публикация «Могилы для пятисот тысяч солдат» накануне майского восстания в Париже изменила направление французской литературы, превратив ее автора – 25-летнего ветерана алжирской войны Пьера Гийота – в героя ожесточенных споров. Сегодня эта книга, впервые выходящая в русском переводе, признана величайшим и самым ярким французским романом современности, а сам Гийота считается единственным живущим писателем, равным таким ключевым фигурам, как Антонен Арто, Жорж Батай и Жан Жене.

Хорас Уолпол

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Книги издательства «МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications» можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2 • «Пирог на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1 • «Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 • «Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького», • Тверской бульвар, дом 25 • «У Кентавра», ул. Чаянова, дом 15 • «Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28 • «Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8 • «БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге,
в магазинах торговой
сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

- «Ozon» – www.ozon.ru
- «Межкнига» – www.mkniga.ru
- «Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу
оптовых продаж
книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ»,
«KOLONNA publications»
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ»,
телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте
наложенным платежом
редакция просит обращаться
по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет:
www.mitin.com/request.shtml

KOLONNA Publications:
Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 84 X108/32, объем 13,5 п.л.,
подписано в печать 30.06.2005 г.
Заказ № 6212 Отпечатано
с готовых диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический
комбинат», г.Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон (0822) 44-42-15.
Интернет/ Home page - www.tverpk.ru.
Электронная почта (E-mail) -
sales@tverpk.ru.